

Н.А. КАЛЁНОВА
(Волгоград)

**ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ
ЧАСТНОГО ПИСЬМА
КАК РЕЧЕВОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
(на примере эпистолярия
С.А. Есенина)**

Анализируются письма С.А. Есенина, что позволяет выделить параметры коммуникативной ситуации «частное письмо», которые отражают специфику самой ситуации и текста письма как результата речевой деятельности адресанта.

Ключевые слова: *эпистолярный, частное письмо, коммуникативно-прагматическая ситуация, С.А. Есенин.*

Анализ научной литературы, так или иначе касающейся изучения эпистолярия, показывает, что характерные черты частного письма, хоть и в разной степени изучены, но не систематизированы [8; 11; 15 и др.]. Эпистолярию как совокупности писем разных видов ученые уделяют внимание, но отдельные виды писем – неофициально деловые, частные (бытовые), сопроводительные, открытые и др. – пока изучены мало. Выявление признаков частного письма приобретает особую актуальность при изучении языка частного эпистолярия, если выделить его из всего имеющегося в распоряжении исследователя массива источников личного происхождения. Иначе говоря, возникает необходимость выявления таких критериев, наличие или соблюдение которых позволяет определить то или иное речевое произведение как частное письмо. Речевое произведение понимаем как результат речевой деятельности, т. е. «активного, целенаправленного, опосредованного языковой системой и обусловленного ситуацией общения процесса передачи и приема сообщений» [7, с. 56].

В статье представлены результаты анализа эпистолярия С.А. Есенина. Есенин не любил писать письма, в чем неоднократно признавался: *Жаль, что я не люблю писать письма. Я бы все вылил, что чувствовал* (Г.А. Панфилову, 16 марта – 13 апреля 1913 г., Москва);

Я, признаться сказать, не люблю писать письма, читать их люблю (М.П. Бальзамовой, 9 февраля 1913 г., Москва) [6, с. 33–35, 30–32] и др. Он рассматривал письмо как необходимую, вынужденную меру при отсутствии иных способов коммуникации с адресатом: *Все-таки лучше, когда видишь человека, лучше говорить с ним устами, глазами и вообще всем существом, чем выводить эти ограничивающие буквы* (Е.И. Лившиц, 8 июня 1920 г., Москва) [Там же, с. 110]. Ценны частные письма Есенина для нас еще и тем, что он «не предназначал свои письма для публикации» [6, с. 237]. Таким образом, письма С.А. Есенина, с одной стороны, творение художника слова, с другой – результат речемыслительной деятельности, не ориентированной на творческий замысел, а обслуживающей бытовую сферу личности автора.

Анализ частного письма только как конечного результата коммуникативного процесса, на наш взгляд, не дает исчерпывающих данных о нем, таких, на основании которых можно составить перечень критериев для определения частных писем. Так, специфические элементы коммуникативной структуры письма, которые учеными выделены и активно исследуются, могут быть не соблюдены. Поиск критериев для выделения частного письма привел к необходимости выйти за пределы его текста и рассматривать эпистолярный как коммуникативно-прагматическую ситуацию, а следовательно, выявить параметры коммуникативно-прагматической ситуации частного эпистолярия.

Дистантность расположения коммуникантов становится первым необходимым условием возникновения частной эпистолярной коммуникации. Опубликованы письма Есенина из Константиново, Москвы, Баку, Царского Села, Ростова-на-Дону, Минеральных Вод, Ташкента, Брюсселя, Нью-Йорка и др. Если коммуниканты расположены на таком расстоянии, что имеют возможность прийти друг к другу, то речевое произведение, даже созданное с соблюдением коммуникативной структуры частного письма, скорее, можно отнести к запискам: *Гришунчик милый! Прости, что не дождались. Дело в том, что*

сегодня в 3 ч<аса> уезжает Анна Ивановна. Ждем тебя на дому (Г.Б. Шмерельсону, 14 июля 1924 г., Ленинград) [6, с. 169]. Основная функция частного письма – фатическая – может быть реализована в ситуации близкого расположения коммуникантов в очном общении, поэтому такое речевое произведение реализует, скорее, только информативную функцию – срочного сообщения о чем-либо. Цель этого произведения – передать некоторую информацию адресату, оставив записку в его отсутствие.

Приватность как один из важнейших параметров коммуникативно-прагматической ситуации частного письма рассмотрена нами подробнее в статье, принятой к печати в журнал «Филология и человек». Как оценить, зафиксировать факт приватности речевого произведения? Формально приватность частного письма обеспечивается 1) наличием конверта, который заклеивается (предполагается, что распечатывает его адресат); 2) указанием на конверте имени адресата, что предписывает иным лицам не вскрывать запечатанный конверт. Подчеркнем, адресант может не придавать особого значения приватности сообщения, но наличие формальных показателей является достаточным основанием усматривать данное речевое произведение как созданное с соблюдением признака «приватность сообщения».

На основании этого параметра можно разграничить частное письмо и написанное на открытке сообщение: *Печатается по автографу (РГБ), исполненному на открытке с почтовыми штемпелями* [6, с. 252]. Создавая открытое письмо, адресант предполагает возможность прочтения данного сообщения третьими лицами. Степень секретности сообщения может быть разной, как уже было отмечено, адресант может не стремиться к секретности передачи сообщения, а может, наоборот, предполагать и даже рассчитывать на то, что сообщение, отправленное в конверте и адресованное конкретному адресату, не станет достоянием третьих лиц. Последнее обеспечивает особую открытость адресанта.

Предположение о том, что содержание переписки стало всеобщим достоянием, является предметом возмущения С.А. Есенина в одном из писем М.П. Бальзамовой: *Начиная после рождества, не я разбиваю нашу любовь, а ты ее загрязнила. Помене бы тебе доверяться Симам и Марусям и читать каждому мои письма, тогда бы я не стал тебе предлагать разойтись. Ты передо всеми меня, благодаря своей бесхарактерности,*

осмеяла и зачернила. Ведь это не что иное, как мальчишество; хвалиться тем, что в тебя влюблены, слишком низко и неблагородно (20 июня 1913 г., Москва) [Там же, с. 46–47]. Таким образом, приватность эпистолярной коммуникации способствует открытости, доверительности, искренности сообщения, но не является единственным фактором, который обязательно это обеспечивает.

Характер коммуникации определяют отношения коммуникантов и эмоциональное состояние в момент написания письма. Отношения коммуникантов частной эпистолярной коммуникации – неофициальные близкие, т. е. *дружеские, семейные, любовные*, в соответствии с этим можно сгруппировать и частные письма: дружеские письма, любовные, семейные. Описание параметра эпистолярной коммуникативно-прагматической ситуации «отношения коммуникантов» лежит в области социолингвистики и осложняется тем, что невозможно вычленить формальные показатели, убедительно демонстрирующие наличие или отсутствие данного параметра в анализируемой коммуникативно-прагматической ситуации. Например: *Зина! Я послал тебе вчера 2000 р. Как получишь, приезжай в Москву. Сергей Есенин. Типография Заработала. Денег у меня для тебя 10000 р.* (18 июня 1919 г., Москва) [6, с. 108]. Адресат послания – З.Н. Райх, официально жена С.А. Есенина, с которой у него были очень сложные отношения (Вульф и др.). Письмо является деловым неофициальным, несмотря на то, что их автор и адресат – супруги.

Динамика развития отношений между людьми в полной мере отражена в эпистолярной. Сравним два фрагмента, один из которых отражает начало знакомства С.А. Есенина с А.В. Ширяевцем: *Александр Васильевич! Приветствую Вас за стихи Ширяевца. Я рад, что мое стихотворение помещено вместе с Вашим. Я давно знаю Вас из ежемесячника и по 2 номеру «Весь мир». Стихи Ваши стоят на одинаковом достоинстве стихов Сергея Клычкова, Алексея Липецкого и Рославлева. Хотя Ваша стадия от них далека. Есть у них красивые подделки под подобные тона, но это все не то* (21 января 1915 г., Москва) [Там же, с. 61]. Деловые партнерские отношения Есенина и Ширяевца переросли в дружеские: *Дорогой мой Шура! Прости, пожалуйста, за молчание. Все дела житейские мучают, а как освободишься, так и липнешь к памяти о друзьях, как к меду* (16 декабря 1917 г., Петроград)

[6, с. 98]. Невозможно обнаружить четкую границу, когда адресат становится не просто знакомым, с которым Есенина связывают дела, а другом. В связи с этим мы выделяем промежуточные зоны частного эпистолярия, включая в них письма, в которых находит отражение процесс смены параметров, определяя такие письма как частно-деловые.

Отношения коммуникантов являются одним из важнейших параметров коммуникативно-прагматической ситуации «частное письмо» потому, что письмо создается в потребности пообщаться именно с близким человеком. Тем самым этот параметр связан с функциями эпистолярной коммуникации. «Взаимопроникновение информатики и фатики» [11, с. 427] в эпистолярной коммуникации делает ведущими две функции: фатическую и информативную, динамическое взаимодействие которых является параметром коммуникативно-прагматической ситуации «частное письмо». Информативная функция, конкурируя с фатической, имеет свои особенности: адресант общается по большей части не о тех или иных событиях, происходящих в жизни адресанта, а о своем отношении к ним, рефлексировать, делится чувствами: *Милый Толя! Черт бы тебя побрал за то, что ты вляпал меня в эту историю. Во-первых, я в Ростове. Сиж у Нины и ругаюсь на чем свет стоит <...> Лева достал купе, но в таких купе ездить все равно, что у турок на колу висеть...* (А.Б. Мариенгофу, февраль 1922 г., Ростов-на-Дону) [6, с. 129–130].

Не все события в повседневной жизни адресанта становятся предметом эпистолярной коммуникации, а лишь те, которые 1) маркированы его эмоционально-оценочным отношением и / или 2) могут, по мнению адресанта, быть интересными, т. е. найти эмоциональный отклик у адресата.

Предмет частной эпистолярной коммуникации – повседневная жизнь коммуникантов, а точнее, та субъективная картина мира, которая формируется в сознании адресата и занимает его мысли и чувства. Рассказ Есенина о Европе эмоционален: *Итак, начинаю. Знаете ли Вы, милостивый государь, Европу? Нет! Вы не знаете Европы. Боже мой, какое впечатление, как бьется сердце... О нет, Вы не знаете Европы! Во-первых, Боже мой, такая гадость однообразия, такая духовная нищета, что блевать хочется. Сердце бьется, бьется самой отчаяннейшей ненавистью, так и чищется, но, к горю моему, один такой ненавистный мне в этом случае, но прекрасный поэт Эрдман*

сказал, что почесать его нечем. Почему нечем, РАЗЗ-эт-твою, я готов просунуть для этой цели в горло сапожную щетку, но рот мой мал, и горло мое узко (А.Б. Мариенгофу, не ранее 20 июля – не позднее начала августа 1922 г., Париж) [6, с. 146]. Как видим, фрагмент объективируемой субъективной картины мира содержит результаты рефлексии по поводу увиденного и пережитого в Европе. Подробнее особенности формирования образа заграничные в письмах Есенина рассмотрены нами в [9].

Такого же взгляда изнутри на происходящее требует Есенин от своих адресатов: *Как ты живешь – знаю. Не знаю только того, что ты думаешь. Это меня интересует больше, чем твои пятничные прогулки по морям несоленым* (П.И. Чагину, 8 ноября 1925 г., Москва) [6, с. 227].

В письмах, которые мы относим к так называемым промежуточным зонам, предмет коммуникации может включать и деловые вопросы, в основном касающиеся литературного творчества самого Есенина или его адресата, современных им литературных процессов, издательств и т.д.: *Дорогой Разумник Васильевич! Мне передали, что где-то можно издать в Петербурге мою книгу. Будьте добры, напишите, что это за издательство и на каких основаниях. (Если Вас не затруднит). Деньги были бы мне весьма кстати <...> Кланяйтесь Клюеву. Я посылал ему телеграмму, а он не ответил. Любящий Вас Сергей Есенин* (Иванову-Разумнику, 30 сентября 1918 г., Москва) [Там же, с. 102]. Такие письма отличаются от частных писем, в которых вопросы делового характера занимают лишь малую часть когнитивно-семантической структуры и чаще оформляются за финальной частью коммуникативной структуры письма, в приписках: *Как только выйдут «Две поэмы», получите с ИONOBA 780 руб. и пришлите их мне. Я не брал у него 30 черв<онцев> за «Песнь» и 480 за «36»* (20 декабря 1924 г., Батум) [Там же, с. 195].

Философские мотивы звучат чаще в письмах к другу и единомышленнику Г.А. Панфилову: *Ох, Гриша! Как нелепа вся наша жизнь. Она коверкает нас с колыбели, и вместо действительно истинных людей выходят какие-то уроды. Условия, как я начал, везде должны быть условия, и у всего должны причины являться следствием. Без причины не может быть следствия, и без следствия не может быть причины* (Г.А. Панфилову, 23 апреля 1913 г., Москва) [Там же, с. 35–38]. Такие письма по содержанию и

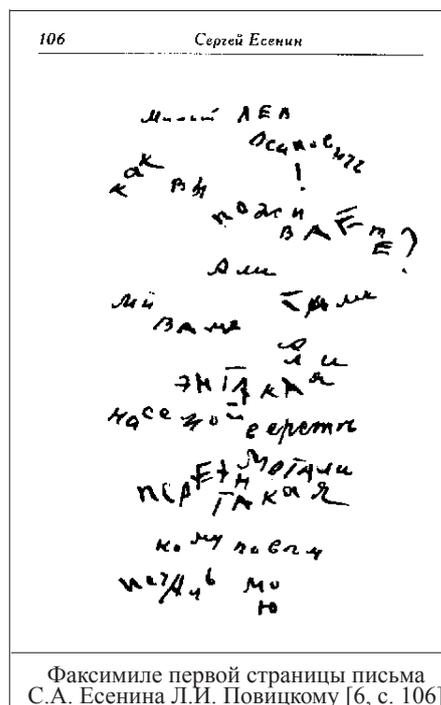
функциям приближаются к дневнику. В них Есенин словно погружается в себя, постигая основы жизнеустройства. Предмет коммуникации в таком случае специфичен, но все также составляет повседневную жизнь адресанта: они относятся к периоду его увлечения теософией и необуддизмом [6, с. 289]. Вместе с тем автору этих писем нужна поддержка, ощущение духовной близости с адресатом, единомыслия: *Да, однако, если это тайна, то пусть ей и останется. Но мы все-таки должны знать, зачем живем, ведь я знаю, ты не скажешь: для того, чтобы умереть. Ты сам когда-то говорил: «А все-таки я думаю, что после смерти есть жизнь другая». Да, я то же думаю, но зачем она, жизнь? Зачем жить?* (Г.А. Панфилову, ноябрь 1912 г., Москва) [Там же, с. 24–25].

Рассматривая параметры коммуникативной ситуации «частное письмо», следует сказать о таких, казалось бы, само собой разумеющихся характеристиках, как длительность, отсроченность сообщения, что обусловлено, в первую очередь, дистантным расположением коммуникантов. Этот параметр накладывает отпечаток на функционирование других: в процессе написания письма происходит глубокая, серьезная психологическая работа адресанта над собой. О чем написать, какие события произошли в жизни за описываемый период, каково отношение к этим событиям – эти и другие вопросы требуют анализа, пусть и не совсем осознанного: *Вопрос о том, изменился ли я в чем-либо, заставил меня подумать и проанализировать себя* (Г.А. Панфилову, между 16 марта и 13 апреля 1913 г., Москва) [Там же, с. 33–35].

Письмо существует как сообщение, речевое произведение, зафиксированное на бумаге. Подчеркнем, речь идет о периоде, когда не было иных способов дистантной коммуникации. С появлением телеграфа и телефона, пока они еще не были в достаточной мере доступны, частное письмо претерпело изменения, касающиеся того объема и качества информации, которое подлежит объективации. Есенин пользовался телеграфом как каналом коммуникации с целью срочно сообщить о приезде или о необходимости выслать ему денег: *Деньги не пришли Жду шлите телеграфом Есенин* (Г.А. Бениславской, до 12 или 13 февраля 1925 г., Батум) [Там же, с. 201].

Итак, зафиксированное на письме сообщение несет информацию с помощью не только вербальных знаков, но и комплекса невербальных. Сама бумага, ее качество, почерк, которым письмо написано, расположение букв, рисунки и т.д. чрезвычайно информативны [10].

В письме Л.И. Повицкому (не ранее января 1919 г.) [Там же, с. 104] с помощью необычного расположения букв создается абстрактный рисунок (см. ниже): «Возможно, что эта пародия появилась под пером Есенина в результате его знакомства с некоторыми из многочисленных гектографических и автографических изданий А.Е. Крученых, выпущенных им в 1917–1918 гг.» [Там же, с. 454]. На второй странице слева по вертикали Есенин написал: «Ско / р / о / я / б / у / ду / вь / Ту / л / ь» и лишь затем стал заполнять строки письма по горизонтали [Там же, с. 457].

Почерк может свидетельствовать об эмоциональном состоянии автора: *Слишком больно! Прости, что плохо и нечетко пишу* (М.П. Бальзамовой, 1 июня 1913 г., Москва) [Там же, с. 42]. Есть предположение, что литератор, коллекционер автографов деятелей культуры и графолог К.К. Владимиров составил психологический портрет Есенина, основываясь на анализе почерка, за что Сергей Александрович поблагодарил его в одном из писем [Там же, с. 406]. Таким образом, письменный характер сообщения, передаваемого письмом как каналом коммуникации, а также паралингвистические средства в их комплексном взаимодействии друг с другом и с вербальными средствами – один из параметров коммуникативно-прагматической ситуации «частное письмо».

Теперь следует подвести небольшой итог, подчеркнув, что рассмотренные параметры касаются не текстовых характеристик письма. Это параметры ситуации, охватывающие условия возникновения, характер протекания, цели и функции. Обратимся непосредственно к тексту частного письма.

Текст частного письма так или иначе привлекал внимание лингвистов [4; 5; 8 и др.]. Особенно важными в аспекте нашего рассмотрения представляются исследования коммуникативной структуры частного письма [1; 11 и др.]. Ученые выделяют следующие важнейшие элементы коммуникативной структуры частного письма как особого типа текста.

1. Зачин, оформленный этикетными формулами приветствия, обращения к адресату: *Милый мой Толенок!* (А.Б. Мариенгофу, 9 июля 1922 г., Останде); *Дорогой Гриша!* (Г.А. Панфилову, февраль – март 1913 г., Константиново) [6, с. 141, 32]. Затем письмо может быть продолжено обсуждением написанного в предыдущем письме адресата: *Маня! После твоего отъезда я прочитал твое письмо. Ты просишь у м<ен>я прощения, сама не знаешь за что. Что это с тобой?* (М.П. Бальзамовой, вторая декада июля 1912 г., Константиново); *Дорогая Маня! Благодарю сердечно за твой привет. Я очень много волновался после твоего письма* (М.П. Бальзамовой, 21 октября 1912 г., Москва) [Там же, с. 32, 20]. Часто в письмах Есенина зачин отсутствует. Так, письмо М.П. Бальзамовой начинается с таких слов: *Не ты во мне ошиблась, а я в тебе. Я не таков, каким ты меня сейчас себе представляешь* (20 июня 1913 г., Москва) [Там же, с. 46]. Ученые находят взаимосвязь наличия / отсутствия этикетных формул и характера отношений между коммуникантами. Еще одним условием, в дополнение к названному, является частотность переписки: чем чаще происходит обмен письмами, тем менее обязательными становятся этикетные формулы приветствия.

2. Основная часть письма содержит собственно сообщение, описание каких-либо событий, отношения адресанта к этим событиям.

3. Финальная часть может быть оформлена этикетными формулами прощания. Особенного внимания заслуживает фразеологическая единица *жму руку* в значении ‘форма мужского прощания при дистантном общении, форма выражения благодарности, поздравления при дистантном общении’ [2, с. 175], представленная в частном эпистолярии Есенина. Например: *Пока жму Ваши руки* (П.М. Денисовой-Соколовой, 17 ноября 1924 г., Тифлис); *Креп-*

ко жму твою руку. Любящий тебя Сергей Есенин (В.В. Казину, 28 июня 1924 г., Ленинград) [6, с. 186, 169] и т.д. Это собственно эпистолярная фразеологическая единица, т. е. фразеологическая единица, возникшая в письме как способе дистантной коммуникации.

Фразеологическую единицу Есенин подвергает трансформации: *Отцу пожми лапу и скажи ему, чтоб он погрозил хоть мизинцем Ваське – за то, что он не приходит. Твой С. Есенин* (П.И. Чагину, 8 ноября 1925 г., Москва) [Там же, с. 227], подобное встречается в письмах М. Горького и В.П. Астафьева [1].

Финальная часть содержит также подпись отправителя сообщения: *Итак, ты видишь, все это довольно весело и занимаетесь, так что мне без труда приходится ставить точку, чтоб поскорей отделаться от письма. О, я недаром говорил себе, что с Гришкой ездить очень весело. Твой Сергун* (А.Б. Мариенгофу, апрель – май 1921 г., Самара); *Любящий тебя С. Есенин* (Н.К. Вержбицкому, 26 января 1925 г., Батум); *С.Е.* (22 апреля 1923 г., Париж) [6, с. 122, 200, 156] и т.д. Подпись также оказывается необязательным элементом коммуникативной структуры письма (см. письмо от 21 октября 1921 г., Москва [Там же, с. 22]).

4. Возможна часть, оформленная (что не обязательно) сокращением P.S., расположенная после финальной части. Так, в письме Есенина Г.А. Бениславской (11–12 мая 1925 г., Баку) автор после финальной части письма делает приписку, объективирующую очень важные вопросы делового характера: *Ну вот пока и все. Остальное расскажет Муран. Угостите его, он парень оч<ень> хороший. Привет сестрам, Яне, Соне и Наседкину. Люб<ящий> С. Есенин. P. S. Чтоб не было глупостей, передайте Собранию Богомильскому. Это мое решение. Я вижу, Вы ничего не сделаете, а Ионову на зуб я не хочу попадать. С Богомильским лучше. Пусть я буду получать не сразу, но Вы с ним сговоритесь. Сдавайте немедленно. Ионов спятил с ума насчет 2000 р. Во-первых, в «Звезде» – «Песнь», я продал избранное маленькое. Ну да ладно, это мое дело. Все равно с ним каши не сварить. Катитесь к Богомильскому* [Там же, с. 212–214]. Далее следует приписка, оформленная подзаголовком «12 мая»: *Письмо написал я Вам вчера, когда не было еще консилиума. Мне запрещено пить. С легкими действительно что-то неладно. Предписано ехать в Абас-Туман. Соберите немного денег и пришлите. Я должен скоро туда уехать. После выправки жизнь меняю. С. Е. Приписки*

содержат ту информацию, которая важна, по мнению адресанта, но была забыта в момент написания письма или отсутствовала.

Итак, коммуникативная структура письма оказывается таким параметром, который может быть вариативным. Отсутствие зачина и финальной части письма при сохранении других ранее рассмотренных параметров не является основанием не считать его частным. И наоборот, даже при соблюдении всех элементов коммуникативной структуры частного письма речевое произведение не может быть отнесено к частным письмам, если остальные (или хотя бы один) параметры не соблюдены. Написанное в соответствии с коммуникативной структурой частного письма речевое произведение, но отправленное на открытке, не может рассматриваться как частное письмо, т. к. параметр «приватность сообщения» нарушен.

Это существенно в аспекте изучения особенностей трансляции информации вербальными средствами в частном письме, поскольку нарушение параметров приводит к изменению и когнитивного блока, т. е. характера той информации, которая подлежит кодированию, и языкового, который обеспечивает выбор языковых средств объективации информации.

Эмотивность как параметр коммуникативно-прагматической ситуации «частное письмо», будучи взаимосвязанной с другими параметрами, проявляется на уровне текста, реализуясь в эмотивном компоненте лексических и фразеологических единиц: *Прости меня, Маня, за такое холодное письмо, я в негодовании на них. Ох, Маня! Тяжело мне жить на свете, не к кому и голову склонить, а если и есть, то такие лица от меня всегда далеко и их очень-очень мало, или, можно сказать, одно или два* (М.П. Бальзамовой, конец июля 1912 г., Константиново) [6, с. 11–12]. Эмотивность частного письма обусловлена состоянием адресанта в период написания письма: *Печальные сны охватили мою душу. Снова навевает на меня тоска угнетенное настроение. Готов плакать и плакать без конца. Все сформировавшиеся надежды рухнули, мрак окутал и прошлое и настоящее* (Г.А. Панфилову, август – начало (?) сентября 1912 г., Москва) [Там же, с. 16–17], а также доверительным отношением к адресату, например другу Г.А. Панфилову, как в предыдущем примере.

Эмоции, которые переживает адресант, кодируются средствами языка, адресат декодирует сообщение. Если при личном, непосредственном общении, помимо вербальных, в кодировании принимают участие и мимика, жесты, то частное письмо имеет ограничение,

связанное с письменным и отсроченным характером канала коммуникации. В этом аспекте интересным представляются два письма С.А. Есенина Г.А. Панфилову. В первом из них (9 или 10 декабря 1912 г., Москва) [Там же, с. 26] содержится условно три микротемы: 1) упрек за отсутствие писем: *Что же Вы там спите! Пора, я думаю, ответить. Как, сполна получили, а? Слушай, Гриша, с твоей стороны очень нехорошо, что ты мне в течение 12+9 дней не писал, как говорится, ни капли. Э!!! Милостивый г..., не по правилам*; 2) сообщение о Павлове и желании познакомить Панфилова с ним: *Слушай, Гриша. Я писал тебе когда-то о г. Павлове. Теперь, со твоего, сударь, соизволения, могу я вас через письмо познакомиться. Этот го<споди>н оч<ень> желает поближе сойтись с нами, потому что убеждения его во многом сходны с нами. Кроме того, он вегетарианец, умеет затронуть кое-какие вопросы. Вообще, человек полного уразумения*; 3) новость о том, что автор письма бросил курить: *Кроме всего, я сообщаю тебе велию новость. Одержимый, так ска-ть, бесами, я когда-то, тебе известно, испускал из своих уст и ноздрей дым кадилый сатаны; теперь же, благодаря сему Павлову, я бросил сию пакость. Я дал ему слово, «а давши слово – крепись».*

Ответное письмо Г.А. Панфилова не известно. Однако в следующем письме С.А. Есенина (середина декабря 1912 г., Москва) [Там же, с. 26–28] есть указание на то, что Панфилов объективировал в своем ответе результаты неверного декодирования предыдущего сообщения: *Прежде всего, лучше истина, чем лицемерие: ты думаешь, ты прав с своими укоризнами? Тебя оскорбило то, что я сказал: «Что вы спите». Но ведь ты лучше считаешь истину и искренность. Знай же: я это чувствовал и сказал. Я и всегда говорю, что чувствую. Что ты подозреваешь в этих словах? Если что-либо дурное, то я говорю тебе нет! Если тебе это кажется грубо, то прости, я извинения просить не буду. Я сказал искренно, так, как сказал бы всякий мужик, видя, что мешкают. Ответственность за коммуникативную неудачу, по мнению автора, лежит на адресате: *Если что-либо и встретилось в моем письме, затрагивающее струны твоей души, то знай, я не отвлеченная идея (какая-либо), а человек, не лишенный чувств, и недостатков, и слабостей. Вина не моя, что ты нашел оскорбление в моем письме, – вина твоя, что ты не мог разобрать <...> Не я тебя оскорбил,**

ты сам себя и меня, и меня до обидных слез [6, с. 26–28].

Реакция на письмо Панфилова выходит за рамки эпистолярной коммуникации и распространяется на отношения коммуникантов: *Хочешь быть идеалистом и противником общества, а сам строго соблюдаешь все светские приличия и рад за них подорвать все основы дружбы. Теперь уже не дружба, а жалкие шатающиеся останки, которые, может быть, рухнут при малейшем противоречии* [Там же]. Размолвка между Есениным и Панфиловым вскоре была улажена, что явствует из их дальнейших писем [Там же, с. 278].

Следует отметить, что такая характеристика речевого произведения, как его объем, не может быть определяющей для частного письма. Даже очень маленькое речевое произведение, состоящее из одного предложения, может быть определено как частное письмо, если все параметры соблюдены. Маленький объем письма может быть обусловлен тем, что автор не любит писать письма или другими условиями: *Нет времени. Объясню после* (М.П. Балзамовой, после 18 августа 1912 г., Москва) [Там же, с. 14–15].

За пределами данной статьи остаются рассмотренные учеными диалогичность письма, разговорность, политематичность [11, с. 365 и др.]. Считаем, что эти особенности, безусловно, являются маркирующими текст письма, которое представляет собой письменную форму разговорного стиля. Отметим лишь, что в письмах Есенина включение элементов официально-делового стиля в текст частного письма, а то и переход на официально-деловой стиль сигнализирует о смене настроения, о недовольстве, агрессии адресанта. Думаем, данные наблюдения нуждаются в более тщательном изучении. Тем не менее мы выделяем в качестве особого параметра, связанного с текстом частного письма, эту группу взаимосвязанных характеристик.

Таким образом, мы определяем параметры коммуникативно-прагматической ситуации «частное письмо», которые группируются как 1) внетекстовые, обусловленные самой ситуацией общения, в которой создается текст частного письма (это параметры частной эпистолярной коммуникации), и 2) текстовые, связанные с функционированием единиц в тексте частного письма. Параметры первой группы обязательны в своей совокупности: 1) дистантность общения; 2) приватность сообщения; 3) отношения коммуникантов – близкие (семейные, дружеские, любовные); 4) фатическая функция как основная конкурирует с ин-

формативной; 5) предмет коммуникации – повседневная жизнь в ее субъективном восприятии коммуникантами; 6) длительность, отсроченность коммуникации; 7) сообщение зафиксировано на бумаге. Параметры второй группы могут быть нарушены, трансформированы, иначе говоря, вариативны: 1) элементы коммуникативной структуры текста частного письма; 2) эмотивность текста; 3) диалогичность, разговорность, политематичность.

На основе соответствия анализируемого речевого произведения этим параметрам можно сделать вывод о том, является ли оно частным письмом, учитывая обязательность параметров первой группы и вариативность параметров второй. Так, из 259 речевых произведений, опубликованных как эпистолярный, 104 являются частными письмами. Остальные представляют собой неофициальные деловые письма, записки, открытки и телеграммы.

Литература

1. Акимова Т.П. Тенденции использования эпистолярных формул приветствия и прощания в бытовых письмах русских писателей XIX – XX вв. [Электронный ресурс] // Современный русский язык: динамика и функционирование, 2009. URL : <http://linguaconf2009.flybb.ru/topic35.html#p34>.
2. Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. М. : АСТ-ПРЕСС, 2001.
3. Вульф В. Зинаида Райх. Мой серебряный шар. Телеканал «Культура» [Электронный ресурс]. URL : http://russia.tv/video/show/brand_id/3962/episode_id/89957?utm_source=sharik&utm_medium=banner&utm_campaign=sharik.
4. Григорьева А.С. Статистическая структура русского эпистолярного текста (лексика частных писем) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981.
5. Дзедисова Ж.В. Эмотивность текстов частных посланий Лоренса Стерна (на материале лексического состава писем) // Вестн. Пятигор. лингв. ун-та. 2010. № 4. С. 200–203.
6. Есенин С.А. Полное собрание сочинений : в 7 т. Т. 6 : Письма. М. : Наука; Голос, 1999.
7. Зимняя И.А. Лингвopsихология речевой деятельности. М. : МПСИ; Воронеж : МОДЭК, 2001.
8. Кабанова Т.Н. Эпистолярный текст частной переписки в аспекте теории речевого общения (на материале рукописных и опубликованных текстов XX века) : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2004.
9. Калёнова Н.А. Образ заграницы в письмах С.А. Есенина: языковой аспект // Русский язык за рубежом. 2013. № 1. С. 80–87.
10. Калёнова Н.А. Паралингвистические средства эпистолярной коммуникации: когнитивно-прагматический подход // Изв. Соч. гос. ун-та. 2013. № 3 (26). С. 214–217.

11. Ковалёва Н.А. Русское частное письмо XIX века. Коммуникация. Жанр. Речевая структура. М. : СпортАкадемПресс, 2001.
12. Котков С.И. Русская частная переписка как лингвистический источник // Вопр. языкознания. 1963. № 6. С. 107–116.
13. Морозов Б.Н. Частное письмо начала XVII века // История русского языка. Памятники XI–XVIII вв. М. : Наука, 1982. С. 287–291.
14. Панкратова Н.П. Из истории частной переписки на Руси // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969. С. 127–155.
15. Фесенко О.П. Комплексное исследование фразеологии дружеского эпистолярного дискурса первой трети XIX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2009.
12. Kotkov S.I. Russkaya chastnaya perepiska kak lingvisticheskiy istochnik // Vopr. yazykoznanija. 1963. № 6. S. 107–116.
13. Morozov B.N. Chastnoe pismo nachala XVII veka // Istorija russkogo yazyka. Pamyatniki XI–XVIII vv. M. : Nauka, 1982. S. 287–291.
14. Pankratova N.P. Iz istorii chastnoy perepiski na Rusi // Izuchenie russkogo yazyka i istochnikovedenie. M., 1969. S. 127–155.
15. Fesenko O.P. Kompleksnoe issledovanie frazeologii druzheskogo epistoljarnogo diskursa pervoy treti XIX veka : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Tomsk, 2009.
- * * *
1. Akimova T.P. Tendentsii ispolzovaniya epistoljarnykh formul privetstviya i proschaniya v bytovykh pismakh russkikh pisateley XIX – XX vv. [Elektronnyy resurs] // Sovremennyy russkiy yazyk: dinamika i funkcionirovanie, 2009. URL : <http://linguaconf2009.flybb.ru/topic35.html#p34>.
2. Balakay A.G. Slovar russkogo rechevogo etiketa. M. : AST-PRESS, 2001.
3. Vulf V. Zinaida Rayh. Moy serebryaniy shar. Telekanal «Kultura» [Elektronnyy resurs]. URL : http://russia.tv/video/show/brand_id/3962/episode_id/89957?utm_source=sharik&utm_medium=banner&utm_campaign=sharik.
4. Grigoreva A.S. Statisticheskaya struktura russkogo epistoljarnogo teksta (leksika chastnykh pisem) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. L., 1981.
5. Dzebisova Zh.V. Emotivnost tekstov chastnykh poslaniy Lorenza Sterna (na materiale leksicheskogo sostava pisem) // Vestn. Pyatigor. lingv. un-ta. 2010. № 4. S. 200–203.
6. Esenin S.A. Polnoe sobranie sochineniy : v 7 t. T. 6 : Pisma. M. : Nauka; Golos, 1999.
7. Zimnyaya I.A. Lingvopsihologiya rechevoy deyatel'nosti. M. : MPSI; Voronezh : NPO MODEK, 2001.
8. Kabanova T.N. Epistoljarnyy tekst chastnoy perepiski v aspekte teorii rechevogo obscheniya (na materiale rukopisnykh i opublikovannykh tekstov XX veka) : dis. ... kand. filol. nauk. Chelyabinsk, 2004.
9. KalYonova N.A. Obraz zagranitsyi v pismakh S.A. Esenina: yazykovoy aspekt // Russkiy yazyk za rubezhom. 2013. № 1. S. 80–87.
10. Kalyonova N.A. Paralingvisticheskie sredstva epistoljarnoy kommunikatsii: kognitivno-pragmaticheskiy podhod // Izv. Soch. gos. un-ta. 2013. № 3 (26). S. 214–217.
11. Kovalyova N.A. Russkoe chastnoe pismo XIX veka. Kommunikatsiya. Zhanr. Rechevaya struktura. M. : SportAkademPress, 2001.

Basic parameters of a private letter as a speech work (based on epistolary by S.A. Yesenin)

There are analyzed the letters by S.A. Yesenin, which helps to choose the parameters of the communicative situation "private letter" that reflect the specificity of the situation and the text of the letter as the result of sender's speech work.

Key words: epistolary, private letter, communicative and pragmatic situation, S.A. Yesenin.

(Статья поступила в редакцию 29.09.2014)

С.В. ГОРНОСТАЕВ
(Волгоград)

**ПУТИ ПРОНИКНОВЕНИЯ
И СТИЛИСТИЧЕСКОЕ
ВАРЬИРОВАНИЕ АНГЛИЦИЗМОВ
СФЕРЫ ИГРОВОЙ ИНДУСТРИИ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Освещаются вопросы, связанные с различными путями освоения заимствований сферы игровой индустрии, прослеживаются их парадигматические и родовидовые отношения. Все номинации характеризуются и с точки зрения их стилистической окраски.

Ключевые слова: англицизмы, заимствования, игровая индустрия, калька, парадигматические отношения, стилистическая окраска лексики.

Игровая индустрия является самым молодым аспектом культуры в наше время. Зародилась она в середине XX в. и за 50 лет обрела большую популярность. В России игровая